

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

IVANOVO STATE POWER UNIVERSITY

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOLOV'EVSKIE ISSLEDOVANIYA

SOLOVYOV STUDIES

Выпуск 2(58) 2018

Issue 2(58) 2018

Редакционная коллегия:

- М.В. Максимов* (гл. редактор), д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
А.П. Козырев (зам. гл. редактора), канд. филос. наук, г. Москва, Россия
Е.М. Амелина, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
И.И. Евлампиев, д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
И.А. Едошина, д-р культурологии, г. Кострома, Россия
К.Л. Ерофеева, д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
Н.В. Котрелев, ст. науч. сотр., г. Москва, Россия
Л.М. Максимова (отв. секретарь редколлегии), канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
Б.В. Межуев, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
В.И. Моисеев, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
С.Б. Роцинский, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
В.В. Сербиненко, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Е.А. Тахо Годи, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
С.Д. Титаренко, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Д.Л. Шукуров, д-р филол. наук, г. Иваново, Россия

Международная редакционная коллегия:

- Г.Е. Аляев*, д-р филос. наук, г. Полтава, Украина
Р. Гольдт, д-р филол. наук, г. Майнц, Германия
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук, г. София, Болгария
П. Дэвидсон, д-р философии, г. Лондон, Великобритания
Э.Ван дер Зверде, д-р философии, г. Неймеген, Нидерланды
Я. Красицки, д-р филос. наук, г. Вроцлав, Польша
Б. Маришадье, д-р славяноведения, г. Париж, Франция
Т. Немет, д-р филос. наук, г. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ,
Российский научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва

Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96

E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru

<http://solovyov-studies.ispu.ru>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим группам специальностей: 09.00.00 – философские науки; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 24.00.00 – культурология. Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему РИНЦ согласно договору № 580-12/2012 ЛО от 13 декабря 2012 г. с ООО «Научная электронная библиотека». Журнал зарегистрирован в базе данных Ulrich's (США).

© М.В. Максимов, составление, 2018

© Авторы статей, 2018

© ФГБОУВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.С. СОЛОВЬЕВА

Золотарев А.В. Спор Леонтьева и Соловьева о хилиастических идеях Достоевского: вхождение темы апокалипсиса в круг проблем русской философии	6
Куприянов В.А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский)	21

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ: 1917–1922 гг. В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Калмыкова И.В., Мартинкус П.П. Отсутствующий враг: С.Н. Булгаков о большевизме в 1917–1922 гг.	34
Замараева Е.И. Л.П. Карсавин: русская революция в контексте евразийского проекта	50

К 100-ЛЕТИЮ «АПОКАЛИПСИСА НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В.В. РОЗАНОВА

Фатеев В.А. «Апокалипсис нашего времени» 100 лет спустя	59
Едошина И.А. Мотивы и лейтмотивы «Апокалипсиса нашего времени» В.В. Розанова	69
Медведев А.А. Национальный нигилизм и его преодоление в «Апокалипсисе нашего времени» В.В. Розанова	82

ФИЛОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Шукуров Д.Л. Сравнительно-лингвистический анализ именных моделей в Септуагинте и в Масоретском тексте Библии (Священный тетраграмматон מִלְכָּם /Яхве/ и его иноименные заместители)	100
Максимова Т.М. Образы и мотивы преобразования реальности в творчестве Шарля Бодлера («Стихотворения в прозе» и «Цветы зла»)	116
Романов Д.Д. Моралистический нигилизм Толстого в зеркале русской религиозной философии	134

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Малинов А.В. Философ нашего времени [Рец. на:] Бродский А.И. Владимир Соловьев. СПб.: Наука, 2016. 255 с.)	149
Савинов Р.В. «Божий спорщик» в фокусе мировой истории [Рец. на:] Х. Шиллинг. Мартин Лютер: бунтарь в эпоху потрясений. М.: Изд. ББИ, 2017. XVI+710 с.	154

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рашковский Е.Б. «Уведомление»	162
Максимов М.В. Философский музыкально-поэтический вечер, посвященный Владимиру Сергеевичу Соловьеву	167

О МОНОГРАФИИ И.И. ЕВЛАМПИЕВА «НЕИСКАЖЕННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ЕГО ПЕРВОИСТОЧНИКИ»

Ненашев М.И. «Умерев, они возвращаются...», или критические заметки к монографии И.И. Евлампиева	169
Рычков А.Л. Гностическое христианство в истории европейской философии: от маркиона до наших дней [Рец. на:] Евлампиев И. И. Неискаженное христианство и его первоисточники // Соловьёвские исследования. 2016, № 4; 2017, № 1–4)	182
Ерофеева К.Л. В поисках новых смыслов [РЕЦ. НА:] И.И. Евлампиев. Неискаженное христианство и его первоисточники (Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 4 (52); 2017. Вып. 4 (56))	191
Борзов Е.Ю. Письмо в редакцию [О монографии И.И. Евлампиева]	194
НАШИ АВТОРЫ	197
О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	200
О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	201
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	201

УДК 141:94(470)
ББК 87.3(2) 521-574

РОССИЯ И ЕВРОПА В РАННЕМ И ПОЗДНЕМ СЛАВЯНОФИЛЬСТВЕ (А.С. ХОМЯКОВ И В.И. ЛАМАНСКИЙ)¹

В.А. КУПРИЯНОВ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
имени С.И. Вавилова РАН

Университетская наб., д. 5, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация;

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Рассматривается историческая эволюция проблематики понимания отношения России и Европы в славянофильстве на примере учений А.С. Хомякова и В.И. Ламанского. Используются методы историко-философской реконструкции и герменевтики. Утверждается, что в рамках концепции соборности в философии Хомякова допускалось единство Европы и России при достижении истинной религиозности. Показано, что А.С. Хомяков полагал, что критика России со стороны Запада вызвана недостатками положения дел внутри самой России, поэтому национальной задачей для России должно стать создание самобытной и оригинальной культуры, построенной на основе православия и общинных форм социальной жизни. Важным результатом исследования является положение о том, что, в отличие от подхода Хомякова, предполагающего понимание России и русской культуры как самостоятельной и оригинальной части Европы, подход, предложенный поздними славянофилами, основан на идее коренного антагонизма России и Европы. Среди наиболее ярких и последовательных выразителей этой точки зрения был видный славист и публицист-славянофил В.И. Ламанский. Показано, что в результате Ламанский создал концепцию, в рамках которой Россия и Европа признавались двумя разными цивилизациями, продолжающими на новом этапе истории соперничество между древними греками и римлянами. Делается вывод, что первоначальная мысль о создании самобытной европейской культуры превратилась в позднем славянофильстве в геополитическую теорию непреодолимого конфликта цивилизаций. В качестве причин такого рода трансформации предложено учитывать не столько политический контекст развития славянофильства, сколько фактор влияния на славянофильскую философию эмпирических наук (истории, географии, этнографии, лингвистики) и интеграцию славянофильства в научный дискурс.

Ключевые слова: славянофильство, соборность, философия Хомякова, историософия Ламанского, геополитика, философия истории, самобытность, цивилизация, западничество, европейская культура, история славяноведения, философия культуры, русская идея, панславизм.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 16-03-00450 «В.И. Ламанский и академическое славянофильство в России в последней трети XIX в.». Автор выражает благодарность проф. И.И. Евлампиеву за ценные замечания и рекомендации.

RUSSIA AND EUROPE IN THE EARLY AND LATE SLAVOPHILE PHILOSOPHY (A.S. KHOMYAKOV AND V.I. LAMANSKY)

V.A. KUPRIYANOV

St. Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences
5, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

The article considers the historical evolution of the problem of the Russia-Europe relations in Slavophilism and analyses A.S. Khomyakov's and V.I. Lamansky's philosophical doctrines. The methods of historical and philosophical reconstruction and hermeneutics are used. It is stated that the idea of sobornost in Khomyakov's philosophy regarded the Russia-Europe unity as possible provided they achieve the true religiousness. It is shown that, in Khomyakov's opinion, the West's criticism of Russia is provoked by the real drawbacks of the Russian life; that is why the Russian national idea should consist in creating a distinctive and original culture based on the Orthodoxy and communal forms of social life. An important result of the research concerns the fact that in contrast to the Khomyakov's approach to Russia and Russian culture as a distinctive and peculiar part of Europe, the concept proposed by the late Slavophiles is based on the idea of fundamental antagonism of Russia and Europe. It is shown that V.I. Lamansky appears to be among the brightest and the most consistent representatives of such approach. The article also shows that, as a result, Lamansky developed a doctrine which acknowledged Russia and Europe to be two different civilizations continuing the competition of the Ancient Rome and Greece on the new historical stage. Thus, it is concluded that in the late Slavophile philosophy, the initial idea about creating a distinctive European culture was transformed into the geopolitical theory of an insurmountable civilization conflict. It is important to bear in mind that such transformation was caused by the influence of the empirical sciences (history, geography, ethnography, linguistics) on the Slavophile philosophy and integration of the latter into the scientific discourse rather than by the political context accompanying Slavophilism development.

Key words: *slavophilism, sobornost, Khomyakov's philosophy, Lamansky's historiosophy, geopolitics, philosophy of history, distinctiveness, civilization, Westernizers, European culture, history of Slavophilism, philosophy of culture, Russian idea, panslavism.*

Н. Бердяев в свое время утверждал, что славянофильство было первой формой русского самосознания и первой самостоятельной русской идеологией² именно потому, что оно обозначило проблему отношений России и Европы: «...национальное сознание родилось в постановке проблемы Востока и Запада. <...> Уже один факт борьбы славянофильства и западничества, которым заполнена русская литература, русская философия, ...свидетельствует о центральности этой проблемы» [2, с. 358]. Попытка построить своеобразную русскую историософию, тесно переплетенную с поиском религиозной правды, оказалась конституирующей для славянофильства. Начиная с конца XIX в. и по наши дни в адрес славянофилов можно услышать упреки в национализме,

² См.: Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ; Хранитель, 2007. С. 229 [1].

шовинизме, изоляционизме и реакционности, однако это связано со слишком прямолинейной интерпретацией указанного важнейшего слагаемого этого течения и с непониманием факта существенной исторической эволюции самого славянофильства.

Пытаясь продемонстрировать изменения, происходившие в осмыслении фундаментальной для славянофилов проблемы отношений России и Запада, в качестве характерных фигур, обозначающих противоположные полюса славянофильской идеологии, рассмотрим А.С. Хомякова и В.И. Ламанского. Критика западной цивилизации всегда была для славянофилов формой призыва к самобытности России и основой для создания оригинальной культуры, но если для ранних славянофилов, прежде всего для А.С. Хомяков, развитие русской самобытности ни в коем случае не означало полного разрыва с традицией Запада, а, наоборот, предполагало достижение единства Востока и Запада, то для поздних славянофилов, наиболее ярким представителем которых, помимо известных имен К. Леонтьева и Н.Я. Данилевского, можно считать В.И. Ламанского, идея единства России, Европы и всего человечества оказалась невозможной. В позднем славянофильстве мы обнаруживаем идею полного отчуждения России от Запада.

Этот факт вполне известен в исследовательской литературе о славянофильстве, но его объяснение, на наш взгляд, не всегда является правильным. Чаще всего отмечается разочарование в Западе, например В.А. Фатеев полагает, что «славянофилы выступили против Запада не из-за незнания уклада европейской жизни или из-за национальной гордыни – напротив, именно глубокое проникновение в суть западной цивилизации привело их к разочарованию в Западе и отрицанию его духовных оснований» [3, с. 17]. В качестве веского аргумента в пользу этой точки зрения часто приводятся взгляды Ф.М. Тютчева – тонкого интеллектуала, который провел большую часть своей жизни в Западной Европе. Немалую роль в отчуждении России от Европы сыграли обстоятельства политического плана, в частности печально известные итоги Крымской войны и общий ход Восточного вопроса, польские восстания и политика Франца Иосифа I и Гогенцоллернов. Фактор политики Запада имел, безусловно, сильнейшее влияние на русскую общественную мысль; мировоззрение Данилевского вполне можно считать реакцией на нее. Но все-таки этот фактор является вторичным и дополнительным по отношению к главной причине, приведшей к резкому изменению отношения к Западу, – такой причиной являются *внутренние особенности развития* славянофильства.

«Русская идея» в творчестве А.С. Хомякова

В известной статье «О старом и новом» (1839 г.) А.С. Хомяков поставил вопрос о сущности русской истории, который означал для него вопрос и о самостоятельности русской культуры. Альтернатива, предлагаемая Хомяковым в этой статье, может быть сформулирована так: если русская старина и

исконные русские начала образованности пусты и бессодержательны, то единственной задачей и идеей русской культуры может быть только лишь усвоение достижений просвещения других народов – в таком случае нет и быть не может никакого особого пути России; если же русская старина демонстрирует более богатые плоды культурного развития, то нужно осознать свои национальные традиции и построить жизнь на основе заветов прошлого.

В своей статье Хомяков опровергает оба этих тезиса и предлагает такое видение русской истории, которое легло в основу понимания проблемы России в раннем славянофильстве. По мысли Хомякова, древняя русская история имеет главной целью формирование единого государства, итог чему подводит Петр I. Но после достижения государственного единства перед Россией возникают совершенно новые задачи, которые Хомяков формулирует следующим образом: «...мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее – светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни Русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего племени. Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет Древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью» [4, с. 470].

В этих словах можно усмотреть квинтэссенцию понимания Хомяковым задач России и смысла русской истории. Кратко можно характеризовать эту задачу как создание русской самобытной культуры на основе принципа *народности*. Причем из приведенной цитаты видно, что формирование самобытности и оригинальности культуры *не означает для Хомякова противостояния Европе и европейской культуре*. Подчеркнем, что в указанной цитате речь идет о *заимствовании* открытий Запада и поисках человеческих начал, которые остались тайными для Запада, но каким-то образом проявились в древних формах русской жизни. Это свидетельствует о том, что утверждения о национализме, ксенофобии и изоляционизме применительно к славянофильству в его исходном варианте оказываются глубоко ложными. Следует в этом контексте отметить, что второй известнейший теоретик раннего славянофильства И.В. Киреевский был солидарен с этой позицией А.С. Хомякова.

Ранние славянофилы в своей критике Запада отвергали односторонний рационализм и формализм западноевропейской образованности, наиболее явно проявившиеся в римско-католической церкви, а затем в протестантизме. Но критика Запада не являлась самоцелью, она должна была побудить Россию к развитию самобытной культуры. Поэтому важнее самой критики Запада оказывалась *критика России*, которая особенно последовательно была развита

в творчестве Хомякова. Думается, что именно этот «внутрироссийский» контекст оказался для ранних славянофилов определяющим.

Суть русской идеи, то есть историческую задачу России, Хомяков видел не в разрыве с Западом и не в борьбе и противостоянии цивилизаций России и Западной Европы, а в самостоятельном и критическом усвоении результатов западноевропейской образованности, в возвращении к подлинным *соборным* началам русской общины с ее чистейшей религиозностью. Хомяков часто писал о том, что, помимо раздвоения на земщину и государство, Россия в послепетровский период страдает раздвоением внутренних начал: с одной стороны – народ с его сельским миром, с другой – интеллигенция с ее поверхностным западничеством. Эта мысль составляет стержень хомяковской критики современной ему русской жизни, которая отражена в целом ряде его статей 1840-х гг.

В этом контексте важна статья «Мнение иностранцев о России» (1845 г.). Статья эта посвящена ответу на вопрос, почему у иностранцев (прежде всего, имеется в виду европейская публицистика) складывается столь негативное мнение о России. Действительно, как отмечают исследователи, именно в эти годы почти вся западноевропейская пресса поражена русофобией и антирусскими настроениями. Советский исследователь истории панславизма В.К. Волков отмечал, что именно «в 20–30-е годы XIX века в Западной Европе сложился тот традиционный стереотип, который стал характерен для враждебного отношения к России на протяжении почти всего XIX в. и отдельные элементы которого пытались оживить в более поздние времена» [5, с. 35]. В основе этого стереотипа лежит представление о варварской экспансионистской и полуазиатской империи, которая стремится во что бы то ни стало поработить европейский цивилизованный мир. В этом отношении размышления русских славянофилов о столь негативном отношении к России в Европе имели под собой весьма конкретную историческую почву.

Но ответ Хомякова на вопрос о таком отношении к России со стороны Европы поражает своей глубиной и неординарностью. По мнению Хомякова, проблема заключается в самой России и тех духовных проблемах, которые сопровождают ее новейшую историю. В статье «Аристотель и всемирная выставка» Хомяков, критикуя разного рода англоманов, пишет, что англичане, сохранившие устои своей нравственной жизни, никогда не признают русского, чуждающегося всего русского, равным себе. «Действительно, – пишет Хомяков, – англичане могут видеть себе братьев в людях, принадлежащих другому племени и другому народу, но никогда не признают своих братьев в своих обезьянах» [6, с. 692]. Поэтому проблема русской жизни, вернее, жизни части ее образованного слоя, заключается в «обезьянничении», то есть поверхностном и примитивной подражании всему западному.

Хомяков объясняет этот факт особенностями реформ Петра I. Россия охотно приняла в себя начала западной образованности, но эта ученическая рецепция превратилась в глупое подражание. Хомяков пишет: «В первые и, так

сказать, наши ученические годы мы старались не только быть подражателями, но и обратиться в простой сколок с западного мира. Не для чего толковать о том, удалось ли нам это или до какой степени удалось. Уже одной страсти ко всему иноземному, уже одного ревностного желания уподобиться во всем нашим иностранным образцам было достаточно, чтобы оторвать нас от своих коренных источников умственной и духовной жизни. Продолжая в глубине сердца любить родную землю, мы уже всеми силами ума своего отрывались от ее истории и от ее духовной сущности» [7, с. 563]. В результате образованная Россия сама своим некритичным отношением к Западу превратила себя в его колонию. Потеряв уважение к себе, Россия не может рассчитывать на уважение других. В то же время народ, далекий от западноевропейского просвещения, продолжал хранить заветы истинной религиозности и традиции национальной жизни. Заимствованная наука и просвещение оказались в противоречии с жизнью народа, вне которой они превратились не только в слепое подражание, но и в мертвенный формализм. Таким образом, возникла диспозиция мертвенной подражательной науки, распространенной среди образованной части населения, и живого подлинного народного бытия. По мнению Хомякова, преодолеть указанную раздвоенность можно только лишь вернув науку и рациональную стихию духа на почву народности.

А.С. Хомяков пишет: «Просвещение не есть только свод и собрание положительных знаний: оно глубже и шире такого тесного определения. Истинное просвещение есть разумное просветление всего духовного состава в человеке или народе. Оно может соединяться с наукою, ибо наука есть одно из его явлений, но оно сильно и без наукообразного знания; наука же (одностороннее его развитие) бессильна и ничтожна без него. Некогда оно было и у нас, несмотря на нашу бедность в наукообразном развитии, и от него остались великие, но слишком мало замеченные следы» [7, с. 572]. *Оживление* науки и просвещения посредством народности оказывается и путем к самопознанию и самореализации. В таком случае разум придет к гармонии с религиозным началом, сохраненным в глубине народной жизни, и наука, уяснив себе истину православия, получит в нем свое адекватное обоснование. Поэтому для Хомякова как научная рациональность, так и рациональность вообще должны строиться на православии и народности. В таком случае исчезает разрыв между наукой и жизнью духа, а национальная жизнь обретает самостоятельность и самобытность. Таким образом, задача России – самопознание ее собственной народной жизни с критическим восприятием иностранных начал образованности. Путь самопознания и соединения народной жизни и научной рациональности видится Хомяковым в качестве средства к обретению самобытной культуры, в которой Россия, наконец, сможет реализовать скрытый в ней потенциал подлинной религиозности.

Таким образом, борьба Хомякова была направлена не против Европы как таковой, предметом и его устремлений, и устремлений раннего славянофильства в целом является *национальная самостоятельность России и*

ее внутреннее освобождение ради раскрытия потенциала заложенного в ней подлинного христианства. С точки зрения Хомякова, по мере естественного отмирания культуры, основанной на искаженной религиозности, возможно объединение Запада и России на основе подлинного христианства, под которым Хомяков понимал не столько православие царской России, сколько живую органическую целостность человечества в Боге независимо от его национальной или какой-то иной определенности. Высшими ценностями для Хомякова являются не борьба и противостояние, а единство и цельность, что находит свое отражение в фундаментальном для него понятии *соборности* как единства всех людей и всех народов в любви к Богу. В этом аспекте раннее славянофильство решительно отличается от всех последующих версий этого мировоззрения.

Славянофильская геополитика В.И. Ламанского

Наглядным примером трансформации, произошедшей с философией славянофильства, являются геополитические и цивилизационные концепции позднего славянофильства, созданные В.И. Ламанским и Н.Я. Данилевским. Если подход Данилевского отмечен радикальной политизацией вопроса об отношении России и Запада, а его главная работа является не столько философским трудом, сколько яркой публицистикой, то на примере Ламанского можно видеть, как произошла *внутренняя* эволюция славянофильства, независимо от того или иного политического контекста, – славянофильство проникло в академическую среду и стало *научным* мировоззрением.

Тем не менее нельзя сказать, что В.И. Ламанский ограничивался исключительно научной деятельностью, проходящей в тиши рабочего кабинета. Свои научные занятия он стремился поместить в контекст важнейших общественно-политических вопросов. Именно поэтому Ламанский входил в состав «Петербургского славянского благотворительного общества», которое ставило задачу содействия национально-освободительной борьбе славян против Австро-Венгрии и Османской империи. Свою научную деятельность Ламанский понимал как способ формирования в России «славянского мировоззрения», то есть славянского самосознания России. Как верно пишет А.В. Малинов, Ламанский рассматривал славяноведение «в качестве средства воспитания русского общества, изменения русской жизни, решимости опираться на собственные силы, в том числе вырабатывать привычку к самостоятельному мышлению»³. Но, как отмечает тот же исследователь, славистика была для Ламанского лишь источником иллюстративного материала для его славянофильских построений. Поэтому

³ См.: Малинов А.В. Политическое славяноведение В.И. Ламанского // Клио. 2016. № 8 (116). С. 65 [8].

главные его достижения связаны не с конкретными исследованиями по истории и литературе славянских народов, а с масштабными философско-историческими построениями, заложившими основы цивилизационного подхода к изучению мировой истории и культуры и давшими базис для возникшей несколько позднее теории геополитики. В этом отношении имя В.И. Ламанского по праву должно стоять в одном ряду с Н.Я. Данилевским. Более того, Данилевского и Ламанского связывали многолетние дружеские отношения. Можно уверенно утверждать, что основной философский труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869) возник в атмосфере тесного интеллектуального общения двух мыслителей⁴.

Главное, что привносит позднее славянофильство в понимание истории заключается в развитии *концепций и теорий, отрицающих единство России и Европы*. Раннее славянофильство в лице Хомякова рассматривало *религиозный* аспект в качестве основного признака, отличающего западноевропейскую и русскую идентичность, и, следовательно, предполагало гипотетическую возможность объединения Запада и Востока путем достижения истинной религиозности, открытой для любого народа и индивидуума. В противоположность этому, в позднем славянофильстве Ламанского и Данилевского есть учение о «врожденной» и «исконной» *враждебности* России и Запада и, как следствие, утверждение о *радикальной цивилизационной несовместимости* романо-германского Запада и России как главной представительницы Востока. Учение о *своеобразии* России и русской истории в контексте общеевропейской христианской культуры сменилось учением о *коренном антагонизме* России и Запада и концепцией о *неевропейской* идентичности России.

Мысль об антагонизме и враждебности Европы (Запада) и России как главной представительницы славянского мира проходит красной нитью через все творчество В.И. Ламанского и составляет основу его философского мировоззрения. Еще на заре своей научной карьеры Ламанский обращал внимание на роль языка в отношениях между народами. В цикле статей «Исторические письма об отношении русского народа к его соплеменникам», написанных в приблизительно 1859 г., Ламанский развивает точку зрения, согласно которой сходство языков служит источником близости между народами и обуславливает их тяготение друг к другу. В качестве примера Ламанский приводит отношения между народами внутри одной языковой семьи: речь идет о германских и славянских народах – главных антагонистах Европы. Основная мысль в данном случае выражена автором таким образом: «...мы твердо убеждены, что не встретим никаких возражений, если скажем,

⁴ См. об отношениях и интеллектуальных связях Ламанского и Данилевского: Селиверстов С.В. «... я смотрю несколько менее оптимистически»: к вопросу об интеллектуальных взаимоотношениях Н.Я. Данилевского и В.И. Ламанского в 1860–1880-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 116–125 [9].

что вследствие этого сходства языков, этой одноязычности, русские немцы ... необходимо должны питать больше сочувствия и симпатии к прусскому, баварскому, саксонскому, австрийскому, нежели к русскому, который вследствие того же самого чувствует гораздо более влечения к поляку и к болгарину, нежели к немцу и к греку» [10, с. 105]. Получается, что отношения между народами, которые в данном случае описываются в терминах психологии («симпатия», «влечение», «сочувствие»), детерминированы некими *не зависящими от них факторами*: в данном случае фактором языка. На первый план в отношениях между народами выдвигаются признаки, обозначающие непреодолимую отчужденность народов, попадающих в разные группы. В отличие от этого подхода, христианство, являвшееся наиболее важным аспектом отношений между народами для ранних славянофилов, при любой его интерпретации допускало возможность некоего общего дискурса, в который при определенных условиях могли бы быть введены все народы и люди, независимо от их языка, географического ареала проживания или неких врожденных симпатий или антипатий.

Впоследствии Ламанский развил свое учение об «однойязычии» народов и вытекающей из этого симпатии людей друг к другу до уровня развернутой концепции, наподобие тех, которые позднее встречаются у евразийцев⁵. В своей докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871 г.) Ламанский специально исследовал вопрос о том, каким образом западноевропейская наука его времени рассматривает славянскую культуру и историю. Ламанский приводит и подробно критикует учения немецких авторов о «туранстве» России, представления о славянах как о «европейских неграх», отождествление их с кельтами. Критическому разбору немецких учений о славянской истории и культуре предшествует исследование вопроса о классификации истории по географическому принципу. В европейской историографии на протяжении долгого времени было принято рассматривать историю через отношение север–юг. В противовес этому Ламанский указывает, что более правильно было бы делить историю Европы на историю восточноевропейских стран (греко-славянский мир) и западноевропейских (романо-германский мир): «...в средней и новой истории христианско-арийского человечества Старого Света преимущественное внимание и главный интерес историка должны сосредоточиваться на восточно-западном и западно-восточном направлении, на горизонтальном потоке событий и происшествий, народных движений и столкновений, происходящих между греко-славянской и романо-германской его половинами. История их взаимных отношений, натиска и отпора, взаимодействия и влияния есть главная ось, около которой обращается историческое колесо многовековой,

⁵ См. подробнее: Цимбаев Н.И. Опасная мечта / Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 15–18 [11].

богатой и разнообразной жизни христианско-арийских племен Европы и Азии» [12, с. 74].

В основе этого переосмысления истории лежит то самое представление о племенных симпатиях и тяготении людей друг к другу в зависимости от лингвистической и этнографической близости, которое нашло отражение в «Исторических письмах». В своем наиболее значимом труде «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892 г.) – учение, которое по праву считают предвестником евразийства, – Ламанский дополняет лингвистический и этнологический аспекты аспектами географии, политики, «историко-культурных судеб народов». По совокупности этих признаков он делит Евразию на три мира: романо-германскую Европу, греко-славянский Средний мир и Азию. Исследование Азии и ее отличия от России занимает сравнительно мало места в трактате. Основное содержание работы состоит из рассмотрения вопроса об отношении России и Европы. С точки зрения Ламанского, Средний мир, включающий в себя все славянские народы и народы, принявшие православие, отличается от Запада преобладанием материка над морем, наличием равнин на основной территории расселения, в то время как народы Западной Европы разделены горами на шесть приблизительно равных частей. Также в число существенных признаков, отличающих два мира, расположенных на территории Европы, ожидаемо входит лингвистический и религиозный признак, а также некие вытекающие из этого симпатии и антипатии народов по отношению к друг к другу.

Ламанский описывает отношения между романо-германским Западом и греко-славянским Востоком таким образом: «... не отождествляя и не сливая с Россией прилежащих к ней земель славянских и православных, мы не можем, однако, с точки зрения этнологической и историко-культурной, даже политической, не причислять их к одному с ней разряду или миру и должны отделять их и от мира собственно азиатского и от мира собственно европейского. От первого они отличаются, подобно России и собственной Европе, своей христианской культурой. От Европы значительная часть их отличается принадлежностью своей не к западному, а к восточному христианству. Остальная же часть, обращенная в западное христианство, как поляки, словаки, чехи, мораване, словенцы и хорваты, резко отделяется от своих западных соседей и единоверцев, немцев и итальянцев, глубокой взаимной антипатией, разностью языков и характеров, противоположностью национальных интересов. Напротив, со своими восточными соседями, русскими, сербами, болгарами, они тесно связаны общностью исторических судеб, культурных и национальных интересов, величайшим сходством языков и нравов» [13, с. 206–207].

Очевидно, что в данном случае факторы географии, языка, религии, национальной психологии, политических интересов являются ключевыми при определении отличий народов и распределения их по типам цивилизаций. Именно введение этих признаков и приводит Ламанского к констатации

непреодолимого антагонизма России как главы греко-славянского мира и романо-германского Запада. В итоге, Ламанский отождествляет это противостояние с антагонизмом греков и римлян в период античности. По мнению ученого, современное противостояние России и Европы есть продолжение культурного и политического противостояния римской и греческой цивилизаций. «Известный в Европе в древности антагонизм греков и римлян пророс, так сказать, в позднейшую историю христианской Европы, усилился еще и несколько видоизменился другим, не менее сильным, антагонизмом новых, привзошедших в историю христианского человечества, племен славянского и германского» [13, с. 235].

Антагонизм и противостояние России (греко-славянского мира) и Европы (прежде всего, Германии) обусловлена вовсе не *идеологией*⁶, направленной на удовлетворение тех или иных интересов; политика как таковая в данном случае оказывается чем-то вторичным. Скорее наоборот, понимание политических интересов зависит от более общей мировоззренческой оценки роли и способе отношений между народами. Ламанский исходил из понимания фундаментальности факторов языка, психологии народов и из идеи исторической детерминированности отношений между народами. Поэтому столь важный для славянофильской публицистики 50–70-х годов XIX века Восточный вопрос служил для Ламанского лишь *иллюстративным* материалом для его исторических и философских взглядов, то есть был не более чем подтверждением его теоретических построений об отношении России и Европы. Сущность славянофильства Ламанского заключалась именно в признании факта радикальной противоречивости Запада и России, и это *оказалось результатом влияния на него дискурса гуманитарных наук* того периода (середины XIX века). Именно развитие научного подхода к истории, лингвистике и психологии народов привело Ламанского к преобразованию исходной славянофильской мысли об особом историческом пути России и призыва к самобытности и культурной самостоятельности – в идею цивилизационной разности и антагонизма России и Европы. Религиозная идентификация, столь важная для раннего славянофильства и положенная Хомяковым в основу его философии истории, отходит на второй план, а главное место занимают язык, географическое положение, национальные традиции и чувства народов. Историческая эволюция славянофильства заключается, в его превращении в мировоззренческую концепцию, построенную на конкретно-научном знании. Творчество Ламанского наиболее наглядно демонстрирует этот факт: от чистой философии истории он движется к развернутой теории культуры, окрашенной

⁶ О концепции Ламанского как об идеологии см. подробнее: Гердт Я.В. Истоки российской геополитики // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 12(266). Политические науки. Востоковедение. Вып. 12. С. 26–30 [14].

в тона славянофильства и наполненной богатым материалом этнографии, лингвистики, психологии и проч.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ; Хранитель, 2007. С. 226–445.
2. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Советский писатель, 1991. С. 355–373.
3. Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: pro et contra. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 7–54.
4. Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1994–1995. С. 456–470.
5. Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М.: Наука, 1969. С. 25–69.
6. Хомяков А.С. Аристотель и всемирная выставка // Хомяков А.С. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 677–694.
7. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А.С. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 574–612.
8. Малинов А.В. Политическое славяноведение В.И. Ламанского // Клио. 2016. № 8(116). С. 62–71.
9. Селиверстов С.В. «... я смотрю несколько менее оптимистически»: к вопросу об интеллектуальных взаимоотношениях Н.Я. Данилевского и В.И. Ламанского в 1860–1880-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 116–125.
10. Куприянов В.А., Малинов А.В. «Я служу народности...» (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2. С. 89–111.
11. Цимбаев Н.И. Опасная мечта / Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 15–18.
12. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 42–183.
13. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 183–323.
14. Гердт Я.В. Истоки российской геополитики // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 12(266). Политические науки. Востоковедение. Вып. 12. С. 26–30.

References

1. Berdyaev, N.A. Aleksey Stepanovich Khomyakov [Aleksey Stepanovich Khomyakov], in Berdyaev, N.A. *Konstantin Leont'ev. Ocherk iz istorii russkoy religioznoy mysli. Aleksey Stepanovich Khomyakov* [Konstantin Leontyev. The outline of the Russian religious thought. Aleksey Stepanovich Khomyakov]. Moscow: ACT; Khranitel', 2007, pp. 226–445.
2. Berdyaev, N.A. Problema Vostoka i Zapada v religioznom soznanii Vl. Solov'eva [The East-West problem in V. Solovyov religious consciousness], in *Kniga o Vladimire Solov'eva* [A book about Vladimir Solovyov]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1991, pp. 355–373.
3. Fateyev, V.A. V sporakh o samobytnom puti Rossii [In the disputes about a distinctive Russian way], in *Slavyanofil'stvo: pro et contra* [Slavophilism: pro et contra]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2009, pp. 7–54.
4. Khomyakov, A.S. O starom i novom [Of the old and the new], in Khomyakov, A.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Medium, 1994–1995, pp. 456–470.

5. Volkov, V.K. K voprosu o proiskhozhdenii terminov «pangermanizm» i «panslavizm» [On the origins of the terms «pangermanism» and «panslavism»], in *Slavyano-germanskie kul'turnye svyazi i otnosheniya* [Slavic-German cultural ties and relations]. Moscow: Nauka, 1969, pp. 25–69.
6. Khomyakov, A.S. Aristotel' i vseмирnaya vystavka [Aristotle and the World Exhibition], in Khomyakov, A.S. *Vseмирnaya zadacha Rossii* [A universal aim of Russia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011, pp. 677–694.
7. Khomyakov, A.S. Mnenie inostrantsev o Rossii [Foreigners' opinion about Russia], in Khomyakov, A.S. *Vseмирnaya zadacha Rossii* [A universal aim of Russia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011, pp. 574–612.
8. Malinov, A.V. Politicheskoe slavyanovedenie V.I. Lamanskogo [V.I. Lamansky's Political Slavic Studies], in *Klio*, 2016, no. 8(116), pp. 62–71.
9. Seliverstov, S.V. «... ya smotryu neskol'ko menee optimisticheskii»: k voprosu ob intellektual'nykh vzaimootnosheniyakh N.Ya. Danilevskogo i V.I. Lamanskogo v 1860–1880-e gody [... I look with less optimism]: on intellectual relations of N.Y. Danilevsky and V.I. Lamansky throughout the 1860s–1880s], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 32(170), Istoriya, issue 35, pp. 116–125.
10. Kupriyanov, V.A., Malinov A.V. «Ya sluzhu narodnosti...» (k publikatsii «Istoricheskikh pisem ob otnosheniyakh russkogo naroda k ego soplemennikam» V.I. Lamanskogo) [«I serve the nation...»: (to the publication of «Historical letters about the attitude of the Russian nation to its tribesmen» by V.I. Lamansky)], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2016, no. 2, pp. 89–111.
11. Tsimbayev, N.I. Opasnaya mechta. Evraziystvo: za i protiv, vchera i segodnya (materialy kruglogo stola) [Dangerous dream. Eurasionism: pros and cons, yesterday and today (the proceedings of the round table)], in *Voprosy filosofii*, 1995, no. 6, pp. 15–18.
12. Lamansky, V.I. Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope [On the historical studies of the Greek-Slavic world in Europe], in Lamansky, V.I. *Geopolitika panslavizma nslavizma* [Geopolitics of Panslavism]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2010, pp. 42–183.
13. Lamansky, V.I. Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika [Three worlds of the Asian-European continent], in Lamansky, V.I. *Geopolitika panslavizma* [Geopolitics of Panslavism]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2010, pp. 183–323.
14. Gerdt, Ya.V. Istoki rossiyskoy geopolitiki [The Origins of Russian Geopolitics], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 12(266), Politicheskie nauki. Vostokovedenie, issue 12, pp. 26–30.